

## Житие святителя Иннокентия, митрополита

### Московского и апостола Америки



Дозволено Ценою. Москва, 20. Іюля 1868 г. Печ. въ Лит. А. Руднева.  
ВЫСОКОПРЕСВЯЩЕННІЙШИЙ  
ИННОКЕНТІЙ  
МИТРОПОЛИТЪ Московскій и Коломенскій.

26 августа 1797 года в глухом сибирском селе Ангинском, что в Иркутской губернии, у пономаря церкви святого Ильи Пророка Евсевия Попова родился сын Иван, будущий митрополит Московский и Коломенский Иннокентий. Но не святительские труды на московской кафедре принесли ему венец угодника Божия, хотя и это служение нес владыка достойно. Более того, прославлен митрополит за свой апостольский подвиг, за ревностный миссионерский труд на ниве Христовой среди народов Приамурья, Якутии, Камчатки и Аляски.

Будущему святителю, в то время Ване Попову, не было и пяти лет, когда отец стал учить его грамоте. Мальчик оказался на редкость смышленным. К восьми годам он уже читал в храме за богослужением Апостол, да так, что доставлял прихожанам большое утешение. В шесть лет Ваня осиротел – умер его отец, и мать, имея на руках еще троих маленьких сирот, вынуждена была отдать Ваню на воспитание брату покойного мужа – Дмитрию Попову. В девять лет Иван был привезен в Иркутск и определен в тамошнюю духовную семинарию. Дядя его, Дмитрий Попов, к тому времени овдовел и, приняв монашество с именем Давид, был перемещен также в Иркутск, где поселился в архиерейском доме уже в сане иеромонаха. В свободное время Иван часто навещал своего дядю и всегда заставлял его за каким-либо занятием. Особенно тот любил заниматься механикой; племянник присматривался, помогал и наконец сам пристрастился к этому делу. Так в одной из комнат семинарии

он устроил водяные часы с боем. Колеса сделаны были при помощи простого ножа и шила из дерева, циферблат – из писчей бумаги, стрелки – из лучинок.

В 1814 году в семинарии сменился ректор, и новый ректор решил переменить фамилии ученикам. Прежде всего изменены были неблагозвучные фамилии, затем наиболее употребляемые – чтобы не было путаницы. Так Иван Попов стал Вениаминовым, получив фамилию в честь умершего в том году уважаемого всеми епископа Иркутского Вениамина (Багрянского). В 1817 году, за год до окончания семинарии, Иван Вениаминов вступил в брак и был посвящен в диакона иркутской Благовещенской церкви. В этом сане ему пришлось прослужить четыре года, и только в 1821 году он был рукоположен во священника той же церкви. Как священник отец Иоанн прослужил здесь всего два с небольшим года, но успел снискать любовь прихожан истовым совершением богослужения и в особенности тем, что по воскресеньям перед литургией собирал в храм детей и давал им уроки Закона Божьего. Но промыслом Божиим отец Иоанн был предназначен к иного рода деятельности.

В начале 1823 года иркутский епископ Михаил получил предписание от Святейшего Синода послать священника на Алеутские острова (остров Уналашку), входившие тогда в состав русских владений, для просвещения светом Христовой веры тамошних инородцев. Однако, боясь дальности расстояния и суровых условий жизни, никто из духовенства ехать не хотел. Епископ Михаил оказался в большом затруднении: добровольцев не находилось, а насильно посылать было нельзя. И вдруг приходит к нему отец Иоанн Вениаминов и выражает желание ехать.

С грустью отпустил епископ Михаил такого примерного священника, и 7 мая 1823 года отец Иоанн выехал из Иркутска со своим семейством, которое состояло тогда из старушки-матери, жены, годовалого сына и брата.

Нужно заметить, что когда иркутское духовенство получило предложение преосвященного, отец Иоанн, как и другие священники, и не думал его принимать. Об Уналашке он слышал от одного выходца из тех мест, некоего Ивана Крюкова. Тот много рассказывал ему о тамошней жизни и даже убеждал его принять предложение преосвященного, но убеждения эти не действовали. О том, как появилось желание у отца Иоанна отправиться в столь далекое путешествие, он сам написал много лет спустя: «Когда этот же выходец, Иван Крюков, уже простивший со мною совсем и на прощание все еще убеждавший меня ехать в Уналашку – в тот же самый день, при прощании своем с преосвященным (у которого и мне случилось быть в то время), стал рассказывать об усердии алеутов к молитве и слушанию Слова Божия – то (да будет благословенно Имя Господне!) я вдруг и, можно сказать, весь загорелся желанием ехать к таким людям. Живо помню и теперь, как я мучился нетерпением, ожидая минуты объявить мое желание преосвященному, и он точно удивился этому, но сказал только: посмотрим».

Отправился он прежде всего на свою родину, в село Ангинское, а оттуда на павозке (род баржи) по реке Лене до Якутска. Из Якутска путешественники должны были ехать на город Охотск, лежащий на востоке Сибири, у побережья Охотского моря. Весь этот трудный путь в тысячу верст отец Иоанн со всей семьей проехал верхом на лошадях. А дорога шла то узкими тропами через густые леса, то и вовсе по болоту; порой приходилось взбираться на длинный косогор или на крутую каменистую гору и двигаться по ее скользкой, покрытой снегом вершине... С помощью Божией все эти трудности были преодолены, и путешественники услышали наконец глухой рев морских волн, бившихся о высокие скалы, мало-помалу им стали показываться мачты судов, стоявших на реке Охоте, а потом и самый город Охотск. После долгого и трудного пути до Охотска плавание отсюда до Уналашки показалось путникам несравненно легким. 29 июля 1824 года, более чем через год, они благополучно прибыли на место.

Остров Уналашка, где должен был поселиться отец Иоанн, принадлежит к группе Алеутских островов, которые, вместе с прилегающей территорией Аляски,

были открыты русскими в половине XVIII столетия и вскоре объявлены владениями России. Заселение их русскими промышленниками, привлекаемыми богатым пушным промыслом, началось с конца XVIII века. Одновременно началась и проповедь христианства среди туземцев. В конце XVIII века здесь подвизалась миссия под начальством архимандрита Иосафа, которой удалось крестить жителей на Кадьяке и других островах.

Несмотря на кратковременность проповеди, христианство в этих краях имело большой успех. Особенно усердно принималось оно алеутами, которые по своему мягкому и кроткому характеру охотно принимали христианскую веру, навсегда оставляя язычество. Ко времени прибытия отца Иоанна в русских владениях в Северной Америке на разных островах служили еще три священника-миссионера.

Приехав на Уналашку, отец Иоанн Вениаминов нашел крайнюю скудость решительно во всех сторонах жизни и миссионерского дела. На острове не было даже храма, и Богослужение совершалось в ветхой часовне. Поэтому первой заботой отца Иоанна было построение храма, что, однако, оказалось делом нелегким, так как из алеутов никто работать не умел, и миссионеру пришлось предварительно обучать их плотничному, столярному и другим ремеслам. В построенном наконец храме многое, как, например, престол и иконостас, было сделано руками самого отца Иоанна. Одновременно он усердно изучал алеутский язык. Все это помогло ему с большим успехом заниматься миссионерской деятельностью. Его постоянные проповеди и беседы отличались простотою и доступностью и были согреты таким непосредственным христианским чувством, что производили большое впечатление и устанавливали настоящие сыновние отношения паствы к своему пастырю.

Помимо Уналашки, отец Иоанн Вениаминов часто бывал и на других островах, наставляя свою паству и проповедуя Слово Божие среди некрещеных. Невозможно себе представить те трудности и опасности, которые ему приходилось переносить в подобных путешествиях, совершавшихся на утлой туземной лодке в холод и непогоду. Но зато во время бесед с алеутами, когда, по словам отца Иоанна, «скорее утомится самый неустойчивый проповедник, чем ослабнет их внимание и усердие к услышанию слова», он «дейтельно узнал утешения христианской веры, эти сладостные и невыразимые прикосновения благодати». О чудесном же случае во время одного из таких посещений отец Иоанн рассказывает так.

«Проживши на Уналашке почти четыре года, я в Великий пост отправился в первый раз на остров Акун к алеутам, чтобы приготовить их к говению. Подъезжая к острову, я увидел, что они все стояли на берегу наряженными, как в торжественный праздник, и когда я вышел на берег, то они все радостно бросились ко мне и были чрезвычайно со мною ласковы и предупредительны. Я спросил их: почему они такие наряженные? Они отвечали: «Потому, что мы знали, что ты выехал и сегодня должен быть у нас. На радостях мы и вышли на берег, чтобы встретить тебя». – «Кто же вам сказал, что я буду у вас сегодня, и почему вы узнали меня, что я именно отец Иоанн?» – «Наш шаман, старик Иван Смиреников, сказал нам: ждите, к вам сегодня приедет священник, он уже выехал и будет учить вас молиться Богу; и описал нам твою наружность так, как теперь видим тебя». – «Могу ли я видеть этого вашего старика-шамана? – "Отчего же, можешь; но теперь его здесь нет, и когда он приедет, то мы скажем ему, да он и сам без нас придет к тебе».

Это обстоятельство хотя чрезвычайно меня и удивило, но я все это оставил без внимания и стал готовить их к говению, предварительно объяснив им значение поста и прочее, как явился ко мне этот старик-шаман и изъявил желание говеть, и ходил очень аккуратно. Я все-таки не обращал на него особенного внимания и во время исповеди упустил даже спросить его, почему алеуты называют его шаманом. Приобщив его Святых Таин, я отпустил его... И что же? К моему удивлению, он после причастия отправился к своему тоену (старшине) и высказал свое неудовольствие на меня, а именно за то, что я не спросил на исповеди, почему алеуты назы-

вают его шаманом, так как ему крайне неприятно носить такое название от своих собратьев, и что он вовсе не шаман.

Тоен, конечно, передал мне неудовольствие старика Смиренникова, и я тотчас же послал за ним для объяснения. Когда посланные отправились, то Смиренников попался им навстречу со словами: «Я знаю, что меня зовет священник отец Иоанн, и я иду к нему». Я стал подробно расспрашивать его о неудовольствии ко мне, о его жизни. На вопрос, грамотен ли он, он ответил, что хотя и неграмотен, но Евангелие и молитвы знает. Затем я попросил его объяснить, откуда он знает меня, что даже описал мою наружность своим братьям, и откуда узнал, что в известный день должен явиться к вам и что буду учить вас молиться. Старик отвечал, что ему все это сказали двое его товарищей. «Кто же эти двое твоих товарищей?» – спросил я его. «Белые люди», – отвечал старик. – «Где же эти твои белые люди, что они за люди и какой наружности?» – спросил я его. «Они живут недалеко, здесь в горах, и приходят ко мне каждый день», – и старик представил мне их так, как изображают святого Архангела Гавриила, т. е. в белых одеждах и перепоясанного розовою лентою через плечо. – «Когда же явились к тебе эти люди в первый раз?» – «Они явились вскоре после того, как окрестил нас иеромонах Макарий». После сего разговора я спросил Смиренникова, могу ли я их видеть. – «Я спрошу их», – ответил старик и ушел от меня. Я же отправился на некоторое время на ближайший остров для проповедания Слова Божия и по возвращении своем увидел Смиренникова и спросил его: «Что же, ты спрашивал этих белых людей, могу ли я их видеть, и желают ли они принять меня?» – «Спрашивал, – ответил старик. – они, хотя и изъявили желание видеть и принять тебя, но при этом сказали: «Зачем ему видеть нас, когда он сам учит вас тому, чему мы учим?» – Так пойдем, я приведу к ним». Тогда что-то необъяснимое произошло во мне, какой-то страх напал на меня и полное смирение. Что, ежели в самом деле, подумал я, увижу их, этих Ангелов, и они подтвердят сказанное стариком? и как я пойду к ним? ведь я же человек грешный, следовательно, и недостойный говорить с ними, и это было бы с моей стороны гордостью и самонадеянностью, если бы я решился идти к ним; наконец, свиданием моим с ангелами я, может быть, превознесся бы своею верою или возмечтал бы много о себе... И я, как недостойный, решился не ходить к ним, сделав предварительно по этому случаю приличное наставление как старику Смиренникову, так и его братьям-алеутам, чтобы они более не называли Смиренникова шаманом».

Отец Иоанн Вениаминов весьма утешался усердием алеутов к слушанию Слова Божия и исполнению заповедей. Редкие из них при его посещениях уклонялись по лени или нерадению от говения и очищения совести, и так как их пища всегда одинакова, то они, чтобы отметить пост, в дни говения совсем ничего не ели. Во время богослужения они стояли внимательно и настолько неподвижно, что можно было по следам их ног узнать, сколько народу было в храме. Многие были большими молитвенниками, что часто обнаруживалось лишь случайно или при их кончине. К священникам питали преданность и любовь и готовы были услужить им, чем могли. С распространением христианства стало прекращаться многоженство и внебрачное сожитие, а также убийство рабов при погребении знатных лиц. Даже ссоры и драки стали происходить редко, а междуусобия, сильно распространенные до того, совсем прекратились.

Кроме своей паствы на островах, отец Иоанн Вениаминов посетил также селение Нушегак на материке Америки, где в первое его посещение крестилось тринадцать человек, а во второй приезд число уверовавших возросло до двухсот двадцати.

Жизнь среди алеутов, постоянная проповедь им Слова Божия способствовали углублению знания отцом Иоанном алеутского языка. В дальнейшем он сам изобрел для алеутов азбуку и мало-помалу стал переводить священные книги. Так, он перевел Катехизис и Евангелие от Матфея. Появление этих переводов алеуты

встретили с большой радостью и стали усердно учиться грамоте. Отец Иоанн устроил на Уналашке училище для мальчиков и сам учил их, составив все учебники. Кроме языка, отец Иоанн усердно изучал быт своей паствы. Так, он собрал песни алеутов, по своим наблюдениям за природными явлениями составил «Записку об островах Уналашкинского отдела». Хорошо изучив фауну острова, он даже подавал ценные советы русским промышленникам относительно охоты на морских котиков, направленные к сохранению и умножению стада этих ценных животных.

Сам отец Иоанн Вениаминов жил с семьей сначала в тесной землянке, или юрте, а потом перешел в скромный домик, выстроенный собственными руками. Свободное время он посвящал деланию органчиков, а также беседам и играми с детьми, своими и чужими, которых он очень любил и был с ними очень нежен.

В таких заботах и неусыпных трудах отец Иоанн Вениаминов провел на Уналашке десять лет. В течение этого времени он обратил в христианство всех жителей острова. Труды и подвиги отца Иоанна Вениаминова не могли остаться незамеченными со стороны начальства, и он был награжден наперсным крестом и переведен на остров Ситху, в Новоархангельск (ныне – Ситка- ВШ) – административный центр русских владений в Северной Америке, для просвещения другого народа – колошей.

Новая паства отца Иоанна сильно отличалась от алеутов как по внешнему виду, так и характером. В отличие от некрасивых, неуклюжих, но добрых алеутов, колоши были довольно красивы: у них большие черные глаза, правильные черты лица, черные волосы, средний рост. По нраву были они горды и самолюбивы. Идя в гости к русским, они надевали самые лучшие свои наряды и держали себя с большим достоинством. Они очень мстительны: если колош почему-либо не мог отомстить за обиду при жизни, он завещал свою месть потомкам. О проповеди христианства среди колошей не могло быть и речи, так как к русским они относились с большим подозрением.

Прибыв на Ситху, отец Иоанн занялся сначала изучением языка и обычаев колошей. Вскоре особенный случай изменил отношение колошей к русским. На острове началась эпидемия оспы, от которой колоши, отказывавшиеся принимать прививки от русских, гибли в большом количестве. Между тем русские и алеуты, которым оспа была привита, остались невредимыми. Это заставило и колошей просить русских о помощи, и после своего спасения они перестали смотреть на них как на своих врагов. Тем самым открылась возможность проповеди христианства. И хотя обращение колошей шло медленно, однако они относились к проповедникам с уважением и не препятствовали желающим креститься.

На острове Ситхе отец Иоанн пробыл пять лет. Вся его пятнадцатилетняя деятельность, сначала на острове Уналашке, а потом на Ситхе, отличалась тем же рвением, которое издревле прославило проповедников Евангелия. Он всегда с большой осторожностью принимался за свое дело и тем привлекал к себе грубые сердца дикарей; старался более убеждать, чем принуждать, и терпеливо выжидал добровольного желания креститься. Для детей он устраивал школы, в которых преподавал по им самим составленным учебникам. Наконец, кроме просвещения светом Евангелия, он обучал туземцев кузнечному и плотницкому ремеслам, научил их прививать оспу. При этом он снискал сердечное расположение к себе: дикари полюбили его. И поистине он был их благодетелем и наставником.

За время пребывания на Ситхе отцом Иоанном была начата книга «Замечания о колошском и кадьякском языках и отчасти о прочих наречиях в Российско-американских владениях», которая, как и грамматика алеутского языка, удостоилась лестных отзывов специалистов и внесла много нового в науку.

Многолетний опыт в деле распространения Слова Божия убедил отца Иоанна в том, что при разбросанности туземных поселений и все возрастающем числе крещеных трудно поддерживать дух христианства у паствы. Для этого была нужна

постоянная проповедь, что было невозможно при малочисленности священников и недостатке средств. Решение этого зависело от высшего начальства, следовательно, нужно было хлопотать. Кроме того, ему нужно было лично просить разрешения на издание священных книг на алеутском языке. С этой целью отец Иоанн решился отправиться в Петербург. Приняв такое решение, Иоанн взял отпуск и, отправив супругу и детей на родину в Иркутск, 8 ноября 1838 года отплыл с острова Ситхи. Плавание его продолжалось около восьми месяцев. 25 июня 1839 года он прибыл в Петербург.

По прибытии в столицу отец Иоанн в тот же день явился в Святейший Синод и своими рассказами живо заинтересовал его членов. Однако хлопоты в Синоде растянулись на несколько месяцев, которые отец Иоанн не потратил напрасно. Он занялся сбором пожертвований для распространения и утверждения христианства на Алеутских островах и с этой целью отправился в Москву. В Москве он явился к преосвященному Филарету, тогдашнему митрополиту Московскому. Святитель с первого взгляда полюбил трудолюбивого проповедника. «В этом человеке есть что-то апостольское», — говорил он об отце Иоанне. Не раз в свободное время беседовали они наедине, и святитель с удовольствием слушал дивные рассказы отца Иоанна о его жизни среди алеутов. Осенью отец Иоанн вернулся в Петербург, где его ждало решение Святейшего Синода об увеличении штата священно- и церковнослужителей в американских владениях России. Ему также было разрешено печатать свои переводы, и, кроме того, за свои долголетние апостольские подвиги он был награжден званием протоиерея.

Но не только радостные вести ждали его в Петербурге; из Иркутска сообщили о кончине его супруги. Тяжко поразило его это горе. Митрополит Филарет, утешая его, убеждал принять монашество. Но из-за обремененности большой семьей и невозможности в миссионерских разъездах выполнять все требования монашеского устава отец Иоанн согласился не сразу. Когда же, по ходатайству митрополита Филарета, дети его (а их у него было шестеро: две дочери и четыре сына) были устроены на казенное содержание, то он, видя в этом указание Божие, подал прошение о пострижении в монашество. Постриг был совершен 19 ноября 1840 года с наречением имени Иннокентия, в честь святителя Иркутского. На другой день иеромонах Иннокентий был возведен в сан архимандрита.

Между тем в Святейшем Синоде состоялось решение об образовании новой епархии, к которой были отнесены и Алеутские острова. Возник вопрос о назначении архиерея на новое место. Императору Николаю Павловичу был представлен список из трех избранников, в числе которых был и архимандрит Иннокентий. Государь пожелал его видеть. Обласкав новопоставленного архимандрита, император сказал ему на прощанье: «Передайте митрополиту, что я желаю, чтобы вы были назначены архиереем новой епархии».

Посвящение Иннокентия во епископа Камчатского, Курильского и Алеутского последовало 15 декабря 1840 года в Казанском соборе. «Я твердо уповаю и верую, — говорил во время своего наречения во епископа Иннокентий, — что Господь, так давно путеводящий меня и дающий мне ныне новый жребий служения благодатию Своею, дарует мне и новые силы к совершению моего служения. Молю вас, Богоизбранные отцы и предстоятели сущей на земле Церкви! Восприимите меня в молитвы ваши и молитесь Господа, да будет со мною благодать и милость Его всегда». 10 января 1841 года преосвященный Иннокентий уже выехал из Петербурга к месту своего служения на остров Ситху, в Новоархангельск, где было назначено его место пребывания.

Обратный путь епископ Иннокентий совершал уже через Сибирь. По пути он заехал в Иркутск. Можно себе представить, с каким чувством въезжал преосвященный Иннокентий в свой родной город и с каким благоговением и радостью встречали жители Иркутска бывшего своего священника. Народ толпами встречал его

при въезде, все церкви приветствовали колокольным звоном. Преосвященный посетил Благовещенскую церковь, где прежде служил священником, и совершил там литургию с благодарственным молебствием. Отъезжая из Иркутска, он заехал на место своего рождения в село Ангинское, заходил в избу, в которой родился и провел детство, посетил своих старых знакомых и, отслужив молебен, пустился в дальний путь, напутствуемый добрыми пожеланиями земляков. Наконец, 27 сентября 1841 года после утомительного и долгого пути Иннокентий благополучно прибыл на остров Ситху.



Теперь, с принятием нового звания, круг просветительской деятельности епископа Иннокентия сильно расширился. Он начал с открытия новых приходов, в которых до сих пор чувствовался сильный недостаток. Поставляя священников во вновь открытые приходы, преосвященный давал им самые подробные наставления и убеждал их действовать силой проповеднического слова, а не принуждением или заманчивыми обещаниями.

Обращения туземцев шли также успешно и почти без всяких настояний миссионеров; напротив, искавшие Крещения подвергались самому строгому испытанию. Особенно утешительными для миссионеров были обращения тех язычников, которые сначала сопротивлялись обращению, а затем сами являлись с мольбой о Крещении.

В местах, регулярно посещаемых миссионерами, население особенно ревностно исполняло их наставления. Случаев отпадения или возвращения к шаманству почти не бывало, если же они происходили, то скоро оканчивались раскаянием и исправлением. Бывали случаи и чудесного исцеления после Крещения. Так, одна старуха, будучи при смерти, пожелала принять Крещение, но так как сама она ходить уже не могла, то была принесена для таинства на носилках. После Крещения она вернулась домой самостоятельно, лишь опираясь на палку. Точно так же моло-

дой мужчина, с детства страдавший припадками безумия, после Крещения совершенно исцелился. Нечего и говорить, что подобные случаи, свидетельствуя о Божественной силе христианства, особенно способствовали обращению туземцев. Помимо проповеди и наставлений в Законе Божиим, епископ Иннокентий предписывал миссионерам учить детей и всех желающих грамоте как на местном, так и на русском языке, что население делало очень охотно, и вскоре грамотность туземного населения стала даже выше, чем грамотность населения коренной России.

Прожив в Новоархангельске около семи месяцев, преосвященный отправился обозревать свою епархию. На каждом острове, в каждой деревне принимали его с величайшим торжеством и радостью, и нигде не оставлял он жителей без архипастырского назидания. Его епархия была чрезвычайно обширной и обнимала многочисленные народы, жившие на американском материке, Алеутских и Курильских островах, на Камчатке и на побережье Охотского моря. Так, в первую свою поездку по епархии он преодолел более пяти тысячи верст где морем, а где и на собаках. Таких поездок для обозрения епархии, во время которых он старательно осматривал вновь устроенные приходы, освящая церкви, лично поучал инородцев Слову Божию и устраивал, где можно, училища для детей, у него было три.

За свою плодотворную миссионерскую деятельность среди народов далекой окраины России епископ Иннокентий в 1850 году был возведен в сан архиепископа. Во время своих путешествий по материковой части России архиепископ Иннокентий бывал также и у якутов, и тунгусов, за отдаленностью жительства никогда не посещавшихся своими архипастырями. Архиепископ был знаком с этими народами еще с детства, когда сталкивался с ними у себя на родине, в селе Ангинском и в Иркутске. Следствием такого попечения было то, что Якутская область была отчислена от Иркутской епархии и присоединена к Камчатской. По этой причине преосвященный Иннокентий должен был переменить место своего постоянного жительства и переехать в Сибирь, в город Якутск.

Новые миссионерские труды предстояли здесь архиепископу Иннокентию. Якуты, принимая Крещение, главным образом, из-за подарков и некоторых льгот, оставались почти в полном неведении христианства и, вследствие редкого посещения их священниками, часто сохраняли прежние языческие верования и обычаи. Верный своим принципам, архиепископ Иннокентий немедленно принялся за просвещение страны, открывая храмы и часовни, переводя на якутский язык священные и богослужебные книги, для чего им была организована специальная комиссия. Несмотря на трудности этого перевода, комиссия успешно справилась со своей задачей, и 19 июля 1859 года в Якутском Троицком соборе впервые было совершено богослужение на якутском языке. Преосвященный сам служил молебен и читал Евангелие. Якутов до того тронуло это событие, что старшины их от лица всех своих собратьев представили владыке Иннокентию просьбу, чтобы день этот навсегда стал праздничным. Кроме этого, велась работа по переводу священных и богослужебных книг и на тунгусский язык.

Несмотря на свои уже преклонные лета, архиепископ почти постоянно предпринимал путешествия по своей еще более расширившейся епархии, часто подвергая себя разного рода лишениям и опасностям. В одно из таких путешествий, находясь в Аянском порту, он едва не был взят в плен англичанами, которые в связи с Крымской войной напали на российские дальневосточные владения. Преосвященный убедил англичан не брать его в плен, так как пользы им от этого не будет, что, принужденные кормить его, они понесут только ущерб. Англичане не только оставили его в покое, но даже освободили захваченного ими ранее одного священника.

Миссионерское рвение архиепископа Иннокентия простиралось и на более отдаленные народы, жившие по Амуру и даже за границей с Китаем. Как человек, преданный своей Родине, близко принимавший к сердцу ее интересы и радеющий о ее величии, он проявлял большую заботу о благоприятном для России разре-

нии амурского вопроса. С этой целью он сам предпринял путешествие по Амуру и составил подробную записку «Нечто об Амуре», в которой на основании личных наблюдений и опросов обосновал возможность навигации по Амуру и заселения его берегов. Содействие архиепископа Иннокентия присоединению Амура к России было оценено очень высоко: в его честь был назван город Благовещенск – в память начала его священнослужения в Благовещенской церкви Иркутска.

В конце июня 1857 года архиепископ Иннокентий был вызван в Петербург для присутствия в Святейшем Синоде. Его участие в работе высшего органа церковного управления помогло благополучно разрешить вопрос об открытии викариатства на Ситхе и в Якутске. Кафедру решено было перевести в Благовещенск.

Вернувшись из Петербурга, преосвященный Иннокентий переселился в Благовещенск, где так же неутомимо, так же ревностно продолжал дело своего служения, неуспынно заботясь о поддержании православия в епархии. Отсюда он также предпринимал частые путешествия по Амуру и по другим областям для личного надзора и наставления новообращенных. Но преклонные лета и плохое здоровье заставляли его задумываться об отдохновении. Но не к покою от трудов, а к новой деятельности готовил архиепископа Иннокентия Промысел Божий. В 1867 году скончался Московский митрополит Филарет, и на место почившего был назначен архиепископ Иннокентий. Сам преосвященный Иннокентий был поражен этой вестью более всех. Прочитав депешу, он изменился в лице и несколько минут был в раздумье. Затем целый день оставался один, а ночью долго и усердно молился, стоя на коленях. Дивился он собственной судьбе: сын бедного сельского пономаря, которому во время оно и в пономари, на место отца, невозможно было попасть, делается преемником великого архипастыря, одним из первых иерархов Русской Церкви – митрополитом Московским!

С глубоким смирением принял преосвященный Иннокентий новое свое назначение и стал собираться в путь. Излишне говорить, с каким чувством радости и благоговения встречали его жители сибирских городов, через которые ему приходилось проезжать по пути в Москву. В первый раз на своем веку видели они митрополита. С особой торжественностью приветствовали митрополита Иннокентия в его родном Иркутске, где из-за распутицы он пробыл довольно долго и несколько раз совершал литургию в сослужении с другими архиереями.

Наконец 25 мая 1868 года, вечером, огласивший всю Москву колокольный звон возвестил о прибытии в столицу ее нового архипастыря. На другой день высокопреосвященный Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский, вступил в Большой Успенский собор, на ступенях которого произнес речь, исполненную истинного смирения. «Кто я, – говорил он, – дерзающий воспринять и слово и власть моих предшественников? Ученик отдаленнейшего времени, отдаленнейшего края и в отдаленной стране прошедший более половины своей жизни; не более как смиренный делатель на ниве Христовой, учитель младенцев и младенчествующих в вере».

С таким смирением вступал преосвященный Иннокентий в новое свое служение. Ему было уже более семидесяти лет, он был удручен болезнью, почти слеп, но все-таки был преисполнен сил и рвения к деятельности. За новыми заботами он не забывал своего миссионерского призвания. С целью проповеди Евангелия на окраинах России им было учреждено миссионерское общество. Открытое в Москве в январе 1870 года, оно встретило большое сочувствие во всех уголках России. Во многих епархиях были открыты соответствующие комитеты. Но главной его заботой оставалось наставление народа в истинах христианской веры и нравственности.

### ***31 марта/13 апреля – Преставление***

Однако среди всех пастырских трудов и забот старость, недуги телесные давали о себе знать. Митрополит дважды ходатайствовал об увольнении на покой, однако просьбы его были отклонены. С некоторого времени ему пришлось отказаться от

поездок по епархии, которые теперь за него совершали его викарии. С середины 1878 года митрополит Иннокентий почти непрерывно хворал и даже отменил в конце этого года поездку в Петербург для присутствия в Святейшем Синоде. На Страстной неделе, почувствовав приближение кончины, он попросил себя пособоровать. Последний раз приобщался в Великий четверг. 30 марта 1879 года он потребовал к себе преосвященного Амвросия (позднее епископа Харьковского) для чтения канона на исход души, а 31 марта в 2 часа ночи его не стало.

«Дайте знать, – говорил, умирая, преосвященный, – чтобы при погребении моем речей не было, в них много похвал. А проповедь по мне скажите, она может иметь назидание, и вот текст для нее: от Господа стопы человеку исправляются (Пс.36,23)».

На другой день в одиннадцать часов утра колокол Ивана Великого возвестил москвичам о кончине их святителя, а 5 апреля тело почившего было предано земле рядом с могилой митрополита Филарета в Троице-Сергиевой Лавре.

### **23 сентября/6 октября – Прославление**

Не оставляет Господь Своих праведников и, предуготовляя им место в Царствии Небесном, заботится о их прославлении среди верных чад Своих под омофором земной Церкви. В марте 1974 года на заседании Святейшего Синода Православной Церкви в Америке был поднят вопрос о канонизации приснопамятного просветителя Аляски митрополита Московского и Коломенского Иннокентия (Вениаминова). 8 мая того же года американские иерархи обратились к Матери-Церкви в Москву с просьбой изучить вопрос о возможной канонизации митрополита Иннокентия, если на то изволится Духу Святому и Священному Синоду Русской Православной Церкви.

Три года ушло на изучение бережно собранных в США и на родине святителя свидетельств о его жизни и равноапостольных трудах. А 23 сентября (6 октября по новому стилю) 1977 года Священный Синод Русской Православной Церкви, воздав славу и хвалу Господу, определил: приснопамятного митрополита Иннокентия, святителя Московского и апостола Америки и Сибири, причислить к лику святых, благодатию Божиею прославляемых, и совершать его память дважды в год – 31 марта, в день блаженной кончины, и 23 сентября – в день его прославления. 10 июня память святителя Иннокентия празднуется вместе со всеми Сибирскими святыми, прославленными в 1984 году.